

Н

ачну с признания: мне выпала честь написать предисловие к новой книге Андрея Попова «Метель». Такая поэтическая книга в современной России сегодня, наверное, редкость. Автор пропустил через свою поэтическую душу и сердце весь выпавший на его долю исторический отрезок трагического периода России — от не случившегося в 80-х назначенного Хрущевым перехода к коммунизму до всех последующих вихревых событий, произошедших и происходящих в нашем Отечестве до сегодняшнего дня. Это не заимствованный, а приобретенный живущим по законам чести художником и аналитиком духовный и социальный опыт, который помог ему не просто написать образный портрет означенного времени, а сконцентрировать внимание на нас самих, так как почти каждое стихотворение решает ту или иную духовную или нравственную задачу, касающуюся каждого из нас:

День завершается — ляжет на самом дне
Памяти и непогоды. Совсем темно.
Это тоска по правде. Тоска по стране.
Жажда, насытить которую не дано.
Но почему ее имя опять — тоска?!
Как с нею сладить на узкой тропе песка?

В современной прозе мне довелось столкнуться, пожалуй, с единственным произведением, в котором автор так же попытался создать портрет современного общества. Это прошедший мимо серьезного внимания критиков роман-трилогия Василия Воронова «В Загряжске нет американцев». В поэзии же я не могу привести другого примера, кроме названной книги Андрея Попова.

Такому итогу способствовало много обстоятельств. Изначальная одаренность поэта, случайное его обращение к религии в ранней молодости... В газете «Заполярье» вместе со своим другом Алексеем Дейкиным он стал вести рубрику «Православные праздники». Кончилось это тем, что Андрей вступил на путь воцерковления и стал разносторонней личностью, открытой всем ветрам современности.

Я в зимний день без всякой цели вышел,
И был я рад, что снова одинок,
И свет дневной все тише был и тише...
Храни вас Бог.

Я шел без цели, но небесным знакам
Необратимо подступает срок —
И я учился понимать и плакать...
Храни вас Бог.

Это «храни вас Бог» может относиться и к конкретному человеку, и к каждому из нас, что придает смыслу особенную многозначность. Это тоже одна из авторских особенностей художественного почерка Андрея Попова.

Глубокое патриотическое начало, иронический, но не циничный склад ума, тонкий лиризм, совершенно неожиданный для поэта, занятого духовным состоянием общества и собственной души... Впервые Андрей Попов преднамеренно высветил в своей книге одну из ее главных сюжетных линий — линию любви. А одно из ранних стихотворений «Метель» легло в название сборника.

Метель, Марина... Небо упадет.

Путь занесет. Смятения эфира
Не разберет взыскующая лира,
Не разберет слова который год.

А город, постарев от непогод
И соговорив и разлюбив кумира,
От холода, декабрьской мглы и мира
Уйдет в монахи. Или все проплет.

А где любовь? Я думаю, что рядом —
Когда застыли зимние часы,
Когда зодиакальные Весы

Раскачивает ветер, — до разлада
Всего один порыв... А верить надо,
Марина, в приближение Весны.

Книга Андрея Попова, выходящая в книжной серии золотой поэзии Республики Коми «Звезды Севера», в которую вошли лучшие стихи из прежних изданий автора с добавлением стихов новых, отличается композиционным изяществом. Использование библейских символов заставляет предполагать, как глубоко художественно и философски автор подошел к формированию своего детища. Как если бы замыслив его странством бытия, он начал по concentрическому кругам расширять свою творческую задачу, постепенно заполняя все секторы этой сферы. Будучи совершенно открытым в любой своей позиции, поэт нигде не демонстрирует исповедальности нараспашку, поскольку не забывает, что это и его исповедь перед Господом, которая требует таинства как никакая другая.

Читатель этой книги должен «обратиться душой», но в результате он приобретает умного, одухотворенного собеседника на долгие годы, к которому можно обратиться в любую свободную минуту для ответа на многие вопросы. Многие стихи Андрея Попова признаны и любимы, но поэт как будто готовился к изданию своего избранного всю жизнь, чтобы наконец представить нам свое полное творческое «Я». Эта неторопливость автора заставляет склонить голову перед его талантом и характером...

Изумляет разнообразие тематики, жанров, мастерское владение диалогами, психологизм. Он часто обращается к притчам, взятым из библейских сказаний, но переносит сюжеты и героев на материал современности. В его подаче Книга Книг становится захватывающим духовным чтением, одушевленным и актуальным, доступным читателю через характеры современников. Еще в 80-е годы XX века многие его стихи казались претенциозными и чуть ли не предосудительными, а сегодня выглядят провидческими. Приходится признать, что потихоньку наша русская жизнь все-таки приближается к своей исторической предопределенности. Подкупает, что у автора нет ни одного необязательного сюжета, ни одной эмоции, не пережитой и не оплаченной его сердцем.

И напоследок несколько цитат — «из автора»:

И время молится ни о чем,
Думая, что идет...

.....
Меня ни за что любит Бог,
Которого я забываю.

.....
Пишу стихи — одно умею дело.
Пишу стихи — сбываются они.

.....
Терпела Русь. Ждала приход Ильи.
А у него как будто нет семьи...

.....
В роковые минуты нельзя без жены,
Без божественной тайны и без благодати.

.....
Мне ничего не надо от страны...
.....

Провинция — это идея.

Которую не продают.

.....
Если честно до последней пули
Жизнь прошла, то, значит, удалась.

.....
И чем же мы так ненавистны?!

И чей потревожили нрав?!

Любовь к независимой мысли

Души изменяет состав.

А теперь хотя бы одно стихотворение
на память о сегодняшнем разговоре.

Как будет жить мой тихий кабинет,
Когда пройдет лет сто, а то и двести? —
Пойду, взгляну — все сны мои на месте?
А, может, кабинета даже нет?

Увижу, может, только паука,
На книгах пыль, на книгах паутина,
Слова остались — не осталось сына.
И смысл уносит времени река.

Стихи, которым скоро двести лет,
Читают равнодушно чьи-то дети,

Им все равно, что нет меня на свете.

И сына нет. И, значит, внука нет.

Я новый мир не предаю суду,
У нас и не такое раньше было.
Пойду и посмотрю свою могилу.
А, может, и могилу не найду.

И если не пойму я этот свет,
То что с того? Став неземною тенью,
Не стоит долго думать о забвенье.
А может, и могилы даже нет.

И к лучшему. Кому следить за ней?
Кому следить, чтоб было справедливо,
Чтобы всплакнули незабудки с ивой
Над жизнью промелькнувшей моей.

Прощай, мой кабинет. Ты стал чужой.
Я сына пережил. И мы с ним вместе
В небесном доме лет, наверно, двести
Живем — не плачем. Я пойду домой.

Думаю, что Андрей Попов уже сегодня
оставил свое имя в истории как зна-
ковый русский поэт.

